

МЕСТО «ЯБЛОКА» СРЕДИ ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ

Глупо ввязываться в бой, не думая о победе

В России сложилась оппозиционная либеральная партия со специфически интеллигентским составом электората и активистов — «Яблоко», положение которой крайне сложно. Власть ее терпеть не может, коммунисты — тоже, о жириновцах и говорить нечего. Хуже того, проправительственная «демократическая» пресса стала активно использовать в публикациях о «Яблоке» традиционный для русской культуры образ брюзжащего интеллигента-неудачника, не способного ни на какое «настоящее» дело.

Этот образ, естественно, очень плохо воздействует на приверженцев «Яблока», ибо брюзжащим интеллигентом никто быть не хочет, а все хотят быть волевыми и деятельными. В самом «Яблоке» в связи с этим наблюдается тенденция к бегству поодиночке — туда, где власть и деньги, что, как всегда, оправдывается стремлением принести большую пользу не только себе, но и обществу — например, на посту министра финансов. Поддаются таким искушениям немногие — но ведь и искушают немногих. Безусловно, насмешки над «яблочниками», как и вообще характерные для нас насмешки над неудачниками, стоят недорого. Успех у нас имеет самое отдаленное отношение к достоинствам человека. В политике тот, кто способен с убежденностью говорить глупости, приятные для массового слуха (скажем, тот, кто мог в 1991 г. говорить, что радикальные рыночные реформы в сочетании с распадом Союза приведут к быстрому росту материального благосостояния), естественно, имеет преимущества перед тем, кто для этого слишком умен или слишком порядочен. С другой стороны, и успехи делателей «настоящих» дел чаще всего сомнительны и непрочны. Строители социализма, смеявшиеся над вроде бы умными и интеллигентными людьми, не способными найти себе место в новом мире, очень часто кончали крайней неудачей, как, несомненно, кончит и большинство теперешних нуворишей. И все же некоторая правда в насмешках над неудачливыми интеллигентами есть.

Дело в том, что если ты ввязался в игру с определенными правилами, ты тем самым принял эти правила, а твой ум и честность — это твое «личное дело». Если ты военный, ты должен побеждать. Если ты при этом не любишь убивать людей и тебе удастся победить малой кровью — честь тебе и хвала. Но ты не можешь оправдывать поражение ссылками на то, что не хотел убивать чужих и подставлять под пули своих солдат. Если ты такой жалостливый — не иди в командиры. То же — с политиком. Если он побеждает, оставаясь умным и честным, — прекрасно, но ссылаться на честность и ум как на извинение неудачи — смешно. Тогда не ввязывался бы в игру вообще, а писал бы какие-нибудь книги. «Яблочники» ввязались в игру. Но есть ли у них какие-то возможности добиться в ней успеха (естественно, оставаясь самими собой и не перебегая поодиночке в лагерь власти)? Не лучше ли для них вообще отказаться от этой игры?

Возможности достичь успеха крайне ограничены. Даже если вообразить себе совершенно немыслимую ситуацию, когда все демократы-западники собираются под крышу «Яблока», у него будет, дай бог, 20 процентов избирателей — просто потому, что у нас всех демократов-западников, дай бог, 20 процентов. Нормально же для «Яблока» — 10 процентов.

Этих 10 процентов достаточно, чтобы иметь фракцию в Думе, и при ином государственном устройстве было бы достаточно, чтобы реально участвовать во власти. В Израиле, например, маленькие религиозные партии входили во все правительственные коалиции и заставляли большинство плясать под их дудку. Но при правительстве, совершенно не зависящем от Думы, эти 10 процентов — почти ничего.

Могут быть очень устойчивые партии меньшинства, за которые голосуют, отлично зная, что они никогда не придут к власти. Но это возможно только тогда, когда меньшинство очень изолировано и сплочено, как религиозное меньшинство (те же израильские ортодоксы), или «псевдорелигиозное» (коммунисты в западных странах), или этническое (партии разных нацменьшинств), то есть когда это меньшинство — в «гетто».

Но российские либеральные интеллигенты не до такой степени в «гетто», чтобы долго голосовать за партию, не имеющую перспектив. Учтем также, что главными у нас являются не парламентские, а президентские выборы. И тут уж совершенно понятно, что 10 процентов не хватит даже для выхода во второй тур. Поэтому многие, искренне сочувствуя Явлинскому, но зная, что во второй тур он никак не пройдет, не будут «зря» голосовать за него и в первом туре.

Что же делать в этой ситуации? Как можно, «не теряя себя», победить или хотя бы стать реальной силой?

Сами «яблочники», как бы принципиально-оппозиционно они себя ни вели, в силу своей культурно-классовой принадлежности никогда не смогут пробиться к низовому протестному электорату, так же как коммунистам, какими бы лояльными к власти и умеренными они ни становились, никогда не пробиться к московско-петербургскому интеллигентскому электорату. Значит, выйти из состояния «вечной оппозиции» «Яблоко» способно, лишь вступив в союз с политическими силами, социально, культурно и идейно чуждыми.

Здесь мы неизбежно вступаем на скользкую почву политического компромисса. Идти на компромиссы, не забыв, кто ты и для чего на них идешь, трудно. Но не идти, выбирая неэффективную честность, — значит просто выйти из борьбы. Отказ от компромисса может быть не меньшим признаком слабости, неуверенности в себе, чем компромисс, в котором ты «теряешь себя». Какие же компромиссы, позволяющие «захватить» чужой электорат и пробиться к власти, возможны для «Яблока»?

Я думаю, что явлинцы упустили две очень серьезные возможности таких союзов, которые могли радикально изменить и их положение, и всю ситуацию стране. Первая из них — это возможность союза с КПРФ где-то в 1994 — начале 1995 гг. Идейной основой такого союза могли бы стать неприятие переворота 1993 г., ельцинской Конституции и ельцинской приватизации. Этот альянс, безусловно, привел бы к потере «Яблоком» части своего электората и актива, к большим напряжениям и даже расколу в КПРФ (в чем я лично ничего плохого не вижу), но о том, что альянс был возможен, говорит вся последующая трансформация КПРФ. Выгоды же от него, особенно для партии Явлинского, который вполне мог, несмотря на численное преимущество коммунистов, стать в нем ведущей силой и общим кандидатом на президентских выборах, были неоспоримы. Мне думается, что Явлинский мог бы сыграть роль Миттерана, вступившего в свое время в союз с коммунистами и ликвидировавшего монополию голлистов в Пятой республике. В России могла появиться та ответственная и способная прийти к власти левая сила, которую одни коммунисты создать не могут и которая была бы истинным гарантом демократии и стабильности.

Насколько я знаю, некоторые коммунистические лидеры тогда подобные предложения делали, и Ельцин боялся этого союза панически. Зря боялся — Явлинский ухаживания коммунистов отверг. Почему? Из-за честности и принципиальности, не позволявших пойти на союз с людьми чуждой идеологии? Но мне кажется, что, как и союз Миттерана с коммунистами, это мог быть вполне честный союз, в котором обе стороны не скрывают своих глубоких различий и не врут, хотя, естественно, и не хамят друг другу. Я думаю, что «яблочники» испугались не столько нечестности этого союза, сколько его рискованности и, главное, «нереспектабельности». Испугались того, что некоторые вполне уважаемые люди перестанут «подавать руку», а «княгиня Марья Алексевна» скажет что-нибудь очень плохое.

Более того, Явлинский стал, играя по ельцинским нотам, напропалую полемизировать с Зюгановым и, в конце концов, дошел до шутки, что «коммунизм, как педикулез, заводится от бедности», бессмысленно оскорбляющей миллионы людей.

Второй упущенной возможностью союза, который мог бы привести «Яблоку» к власти, была, как я думаю, возможность союза с Лебедем в 1995 — начале 1996 гг. Для Явлинского это уже был бы менее выгодный вариант, ибо в таком союзе он мог претендовать только на вторую роль (Лебедь на второй роли просто бессмыслен). Но это — очень важная вторая роль, «яблочники» могли бы дать основные кадры команде Лебеда. Идейно же этот союз был бы довольно прост и естественен, учитывая очень неопределенную, с сильными либерально-западническими элементами, идеологию Лебеда.

«Яблочники», однако, на это тоже не пошли. Естественно, из-за амбиций, опять-таки, я думаю, неразрывно связанных с интеллигентским снобизмом. Результат — Лебедь пошел к Ельцину секретарем Совета безопасности. Громадный потенциал этой фигуры в 1996 г. оказался растроченным, и еще один шанс произвести демократическим путем смену власти, укрепляющую, а не разрушающую демократические завоевания, был потерян.

Сейчас несомненно, что вся страна и все политические силы идут к глубочайшему политическому кризису, связанному со старением Ельцина и приближающимися выборами 2000 г., характер которых совершенно неопределен и непредсказуем. Даже если Ельцин пойдет на выборы в третий раз и победит, очень скоро разразится новый, еще более острый кризис. Если же Ельцин участвовать в выборах не будет, возможны самые причудливые комбинации. Теоретически возможна даже совсем экзотическая ситуация, когда на втором туре будут противостоять Лебедь и Зюганов. Ясно, однако, что выход во второй тур Явлинского — будем смотреть правде в глаза — вариант из самых невероятных. Поэтому «Яблоку», даже борясь за голоса в первом туре, все равно надо будет заранее сделать труднейший выбор, который определит его судьбу и в значительной степени — судьбу страны. Какой это может быть выбор, сейчас сказать невозможно, да и решать это в конце концов — им. Но мне думается, что, если «Яблоку» хочет сохраниться как политическая сила, способствующая демократическому развитию страны, это должен быть выбор, продиктованный идейной принципиальностью и трезвым расчетом, а не теми «классово-тусовочными» критериями, по которым дружить с Немцовым почему-то прилично, а с Лебедем — нет.

Считается, что «политика — дело грязное». Мне кажется, эту формулу изобрели для самооправдания политики-прохвосты и политики-неудачники. Политика не более грязна, хотя, конечно, и не более чиста, чем все другие занятия. В семье, на работе, где угодно нас подстерегают трудные решения,

неизбежные компромиссы, в которых легко превратиться в ничтожество. Везде нельзя уж совсем никогда не врать, не манипулировать другими или не быть манипулируемым. Но политика, как и вообще жизнь, — дело трудное, выживают и добиваются успеха приспособленные, но добиваются успеха, сохранив свою душу и принеся реальную пользу людям, своей стране, — сильнейшие. Для России было бы очень хорошо, если бы «Яблоко» оказалось таким сильнейшим, то есть достигло бы успеха, пусть ценой очень трудных и рискованных решений и компромиссов, но оставаясь при этом самим собой.